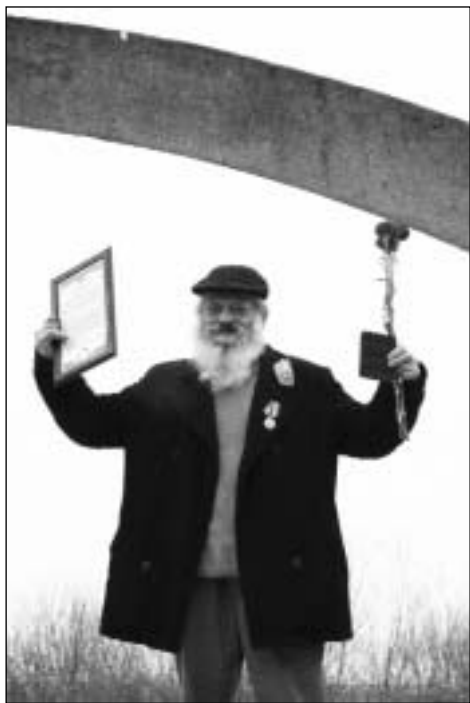

Красная звезда

Приехав за час до начала традиционного митинга, посвященного 67-й годовщине открытия Ледовой трассы через Ладожское озеро, я внимательно осмотрела Разорванное кольцо в надежде найти на шершавой поверхности монумента или на какой-нибудь табличке имя автора — но тщетно. Скажу больше: Константин Симун, подаривший нам Символ разорванной блокады, в советское время не удостоился за это никакого поощрения — «ни рубля, ни ордена, ни звания, ни значка».

Свою первую награду за монумент «Разорванное кольцо» знаменитый скульптор должен был получить из рук главы администрации Всеволожского района Игоря Самохина в этот холодный ноябрьский день. Собирались постоянные участники митинга — пожилые ветераны, привозили школьников. Симуну ждали все. И он приехал: невысокий, седоволосый, седобородый — известный всему миру автор великого посвящения блокаде.

Медаль «За заслуги перед Всеволожским районом» принял с достоинством и был аскетично немногословен. Никаких речей и не требовалось, а благодарность ему читалась на лицах пожилых ветеранов. Константин Симун вместе с ними вспоминал в этот день войну, ведь она прошла и по его судьбе. Как и многие дети, он был эвакуирован в 1941-ом, а в сорок четвертом семья вернулась в Ленинград, но не на улицу Правды, где жили до войны, а на 11-ю Красноармейскую, потому что прежней квартиры уже не было...

Что чувствовал он, встретившись со своим творением через много лет, я не спросила — Константин Михайлович был очень взволнован, а несколько дней спустя, в мастерской, которой он долго добивался взамен своей прежней, разрушенной в годы его отсутствия, поговорить хотелось о многом.

Например, о скульптуре, которую Симун в этот свой приезд в Петербург готовил на конкурс. «Пискаревская мадонна» назвала эту работу жена художника Елена, а сам замысел родился много лет назад. В женщине, нежно склонившей голову над своим младенцем, угадывается Мать человеческая, а законченность этому евангельскому по широте обобщения образу придает нимб над их головами в форме... разорванного кольца. Неразрывной связью соединяет он мать и дитя как две части единого целого.

Позволив мне вдоволь налюбоваться этим «камерным» монументом, студийной моделью будущего памятника, скульптор показывает еще одну работу: та же мадонна с младенцем, но «в металле», словно опутанная толстой колючей проволокой. «Какая из них вам нравится больше?» — проверяет он впечатления на случайном зрителе. И вежливо кивая головой, выслушивает мои доводы. С трудом могу поверить, что я разговариваю со знаменитым Симуном — он прост в общении, мудр, деликатен и по-детски беззащитен.

Разорванное кольцо как образ и одновременно как авторский логотип появляется и в других его произведениях. На благотворительной выставке «Дорога жизни», средства от которой предназначались детским домам, больницам и блокадникам, Константин Симун обыграл этот знак в ряде своих скульптур: разорванная арка из решеток невских набережных, ремешок на стоптанной туфельке, спинки железной кровати — все они вариативно повторяют ладожский Знак.

— А как вы сами называете этот памятник?

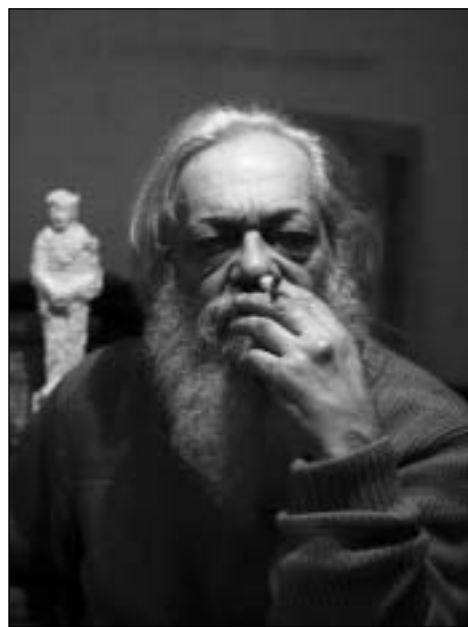
Железобетонное «Разорванное кольцо» на берегу Ладожского озера как один из мемориалов «Зеленого Пояса Славы» давно уже стало символом. Этот величественный по простоте формы и грандиозности замысла монумент олицетворяет в нашем сознании мужество и беспримерный героизм жителей и защитников блокадного Ленинграда. Памятник появился на берегу вечно волнующейся Ладоги больше сорока лет назад, но кажется, что стоял там всегда, от самого сотворения мира, настолько органичен он в этом суровом северном пейзаже, где свинцовое небо сливается с серебристой водой.

Невольно закрадывается мысль, что его рукотворность — это воплощение замысла высших разумных сил, вложивших в сознание скульптора готовую форму, архетип, внутренний смысл которого гораздо шире того, который мы обычно имеем в виду, говоря о Разорванном кольце.

Создал Символ ленинградский скульптор Константин Михайлович Симун. Уже одного этого было достаточно, чтобы оставить след в веках. А он много и плодотворно работает всю свою жизнь, этот невероятно талантливый и библейски мудрый Симун. Памятник у Ладожского озера — самое известное, но далеко не единственное его творение.

Константин Михайлович много лет назад уехал в Америку, где продолжает создавать свои шедевры, не теряя при этом творческих и человеческих связей с родиной, с Петербургом — Ленинградом, который всегда был для него источником вдохновения и жизненных сил. Знаменитый скульптор Симун постоянно участвует в петербургских выставках и различных творческих проектах, без конца возвращаясь в свой родной город.

Константин Симун: посвящение блокаде

— Я больше люблю название «Дорога жизни».

История о том, как у Константина Симуну возник замысел этого монумента, воспроизводилась уже не единожды — его многие журналисты спрашивали об этом. Мне тоже посчастливилось прикоснуться к первоисточнику. Там, на берегу Ладожского озера, рассказ звучал не как легенда, а как исповедь творца.

Константина Симуну очень интересуют наскальная живопись, рисунки древних людей, в которых в силу их примитивности отразились самые простые формы. Квадрат, крест — эти архетипы всегда жили в сознании человека, прошедшего долгий путь эволюции. А вот как они возникали? И он представлял: охотятся древние люди на мамонта — это ведь такая большая консерва. Вот сидит первобытный человек за деревом, выйти нельзя — опасно, да и мамонта спугнуть можно. Как дать понять соплеменникам, что зверя нужно окружить? Наклонить дерево или закругленными руками показать: окружаем. Получается такой знак.

Встречается ли он где-нибудь еще? Конечно! — Посмотрите, как девушка с парнем обнимаются.

Жена К.М. Симуну, разглядывая на компьютере фотографии Вселенной, неожиданно увидела в завихрениях галактик... разорванное кольцо. Это означает только одно: в окружающем нас мире все формы уже существуют, нужно только с присущей нашим предкам наблюдательностью разглядеть их.

в числе конкурсантов, которым было предложено на общественных началах разработать проект памятника на берегу Ладоги, посвященного блокаде. Вот как пишет об этом Елена Симун: «Кажdomу району города был отведен определенный участок «Пояса». Калининскому (там находилась мастерская Симуну) — Вагановский спуск на Ладожском озере. Условия проекта были необычны — не было драконовских художественных советов, судьбу работы решали только партийные и административные начальники района. Они отвезли на черной «Волге» двух скульпторов, Симуну и Калинина, и архитектора Филиппова к месту будущего памятника... В. Филиппов прошел по дороге, остановился посередине нее вблизи озера и сказал уверенно: «Здесь нужно поставить такое», показав рукой вертикаль... В тот же день Симун сделал модель из пенопласта. Показал архитектору Филиппову — понравилось, он и сделал с модели архитектурный чертеж».

Это счастье, что в комиссии не было художников — они бы уж точно не пропустили проект. А чиновники модель памятника утвердили. Только один из них, видимо, интересовавшийся искусством, заподозрил в скульптуре нечто, не вяжущееся с раз и навсегда установленными социалистическими традициями. Он спросил коллег: «А это случайно не абстрактная скульптура?». Симун сразу нашелся, понимая, что от его ответа зависит судьба проекта: «Что вы! Это дорога туда, а это — обратно». В 1966 памятник Блокаде — гигантская идеограмма в виде разорванного кольца — заняла свое место на берегу Ладожского озера, рядом с деревней Коккореево во Всеволожском районе.

Знак, который он увидел и увековечил, ведет свое собственное существование, отдельное от жизни автора — он бесконечно воспроизводится и тиражируется. Между тем у Константина Симуну нет авторского права на него — один из парадоксов советской эпохи, стремившейся частное сделать общим, а индивидуальные заслуги приписать достижениям социализма.

С тех самых пор, видимо, и сохранилась привычка не упоминать имени Симуну в связи с Разорванным кольцом.

Но, может, пришла пора выбить имя автора на монументе, воссоединив его с великим творением раз и навсегда?

Этими своими мыслями я с Константином Михайловичем не делилась: просто не хотелось сыпать соль на рану. Он очень переживает из-за того, что за годы его отсутствия мастерская в Калининском районе, вблизи больницы им. Мечникова, которую он в 1957 году купил у наследников скульптора Л. Шервуда, была почти полностью разрушена.

Недавно Союз художников выделил ему помещение под мастерскую в центре Санкт-Петербурга, но оно находится в ужасающем состоянии. Нужен большой ремонт. Конечно, эта казенная мастерская не заменит ему той, прежней, его собственной, где он с такой страстью создавал свои неповторимые скульптуры. Но это все-таки лучше, чем совсем ничего. Он уже осваивает мастерскую в подвале старого питерского здания. Теперь ему есть куда приезжать, хотя друзья всегда рады были принять его у себя дома.

Константин Симун никогда не прощался с Петербургом, он просто не может без него жить.

Нина УСТИЧЕВА
Фото Антона ЛЯПИНА

